



ЮЛИЯ КИСИНА

БЕЛКА

1997№28

От американской армии, покинувшей Германию в 1945 году осталось 3547 чучел маленьких серых животных. Это - белки! Зачем понадобилось американскому руководству снабжать солдат чучелами белок? Непонятно. До сих пор. Может быть это были амулеты, защищавшие Зэга и Льюиса от вражеских пуль? Кто знает? Может, они до сих пор хранят души солдат среди своих отсыревших опилок.

Чучела белок мы нашли в подвале одного Рейнского замка, хозяин которого содержал здание в отличном состоянии, провел туда горячую воду и сдавал комнаты итальянским и швейцарским туристам. Мы попали туда случайно, вместе с вонючей группой из восточного блока. Конечно, за нас платила какая-то чешская строительная фирма.

В четверг ночью мы спустились в подвал в поисках, безусловно, привидений. Подвал был заполнен аккуратно стоящими ящиками черного пива, рейнскими винами и черными бутылками Шато-Марго. Первое, на что наткнулся латыш Каспарс, был тяжелый деревянный пропеллер от американского вертолета. На одной из лопасти была выгравирована ничего не означавшая надпись на русском языке "Отдамся тебе, Балтика". С касперсами, с тяжелыми чашками магнолиевых деревьев была фотография на пляже какого-то курорта. Там загорал такой лысый парень в купальном костюме. Его лицо напоминало скорее героя любовника из пятидесятых. Фотография валялась на полу между практичным, трех отделений, кожаным портфелем и старым американским аппаратом для массажа спины, так и выпячивавшим свои кольчатые шланги.

Белки стояли внизу, в самом глубоком келлере аккуратно пронумерованные желтыми листками. Каспарс просто остолбенел. Конечно, мы сразу оттуда вылетели пулей и не могли уснуть всю ночь, лежа рядом и уставив параллельные невидимые твердые взгляды в еле брезживший потолок. О чем мы думали? Мы думали о белках. Об американской армии и о бейсбольных мячах, лежащих в углу.

Наши одинаковые белые в полоски носки и выстиранные кроссовки под кроватю так, как будто ночь обещала нам только стерильность, серое небо, бесчувственность. И когда мы все-таки встретились дрожащими сухими губами и ощутили в зубах вкус лавровых цветов, только тогда Каспарс назвал мне имя этой Мелони. Мелони, которая была охотницей и застрелила белку из пистолета в 1956 году в центральной парке. Мелони была убита полицейским, и потом ее сестра, рыжегрудая девка с вороватыми глазами Шилди Брей, сшивала шкуру этой белки, чтобы отдать чучело жениху Мелони, в память о ней.

Чучело белки долго стояло на буфете с пожелтевшими салфетками и мех на ней двигался, когда тетуски Робертс открывали окно. Жених Мелони, по истечении некоторого времени отправился добровольцем во Вьетнам. Он погиб в окопе под Да-н-Ангом, поправляя на чучело Мелони жемчужный пушистый хвостик... Жениха звали Томас Кропивницки. Хозяина нашего замка зовут так же, теперь он работает на американской военной базе в Оберурзеле под Франкфуртом.

?

Гробовщик смотрел на меня пристально серыми умными глазами, как смотрел бы он в могилу. Только на меня смотрел он, не отрываясь, угрюмо пытаясь рассмотреть во мне признаки радости. А я смотрела на него из моей внутренней могилы, понимая, что попал он по адресу.

- Некоторые женщины, - сказал гробовщик - оскорбляются, как только заводишь разговоры о теле. Об их теле, - поправился он, и как бы взбодрился, не мигая, продолжал, - а я вот много тел видел и не только молодых и еще красивых. Я видел тела и далеко перешагнувшие за возраст жизни. Только этой зимой произошла удивительная история.

Обычно я раскапывал мерзлые сиротливые ямы, в которых было потеряно имя умершего. Мы свозим останки в общую яму, как мы шуточно называем, к Моцарту, то есть в братскую могилу. А ведь через каждые двадцать лет на кладбище ревизия - тут уж полное обновление - кто не внес взносы на несколько тысячелетий вперед - вылетает из места своего вечного упокоения, а так как нету на всех земли - приходится их сжигать. Дело государственное, как прополка огорода. Вот так многие от Страшного суда избавляются, ведь без праха переходить под "Японию": у них вера, сама знаешь какая: душа после смерти экзамены сдает, переселяется в молодежь. А у нас, ухристиан, точный счет: ко всякой душе одно тело прикрепляется. И хоть приходится нам избавлять Страшный суд от работы, все равно, к старикам я питаю уважение - труп, он чем давнее пролежал в земле - тем бережнее я к нему отношусь. Значит, труп со стажем попался! - так мудрствовал гробовщик, то лукавя, то меня за пальцы трогая.

Когда я отодвинула пальцы, он погрузился, будто туча над ним нависла, потом вспомнил что-то, пожевал спичку и отошел к окну, причесал пятерней волосы и весело обернулся и заговорил со смешками, быстро, торжественно и громко.

- А вот в этом году как раз перед ревизией сменили директора кладбища - старый волчище пошел на пенсию, а нам по повышению - бывший зав. отделом супермаркета - эдакий яппи-бодрячок, бритый-умытый тонкастик. Собрал он всех наших кладбищенских и с ослепительной улыбкой срубил, что теперь кладбище сильно коммерциализируется и ставки по могилам удваиваются как в игорных заведениях. К тому же, при анализе данного рынка - маркетинге - предстоит переоборудование и некоторая перестройка и модернизация объекта.

По плану мне достался квадрат в юго-восточной части объекта, под белой пирамидой, - он кивнул в сторону окна, -

тогда это был один из роскошнейших склепов... тут гробовщик задрожал голосом, ведь он уважал искусство и по причине работы был особенно близок к скульптуре.

- Может быть, лучше тебе не рассказывать, - сказала я, - все-таки пережитое - не из пуха.

Он слабо улыбнулся и закашлялся до слез и красноты. - У меня астма, - виновато сказал он, приходя в себя, и улыбнулся на этот раз так нежно. - Я сына с собой часто на работу беру. Ему семь лет. Мы с ним одни, жены у меня нет, а он, знаешь, интересуется, о душе спрашивает. Но я не запугиваю ребенка Страшным судом. Вот, - говорю, - посмотри, - трупы. Бережный момент жизни, - говорю. За могилой - ночь. И он не боится и растет без предрассудков. "Только, пап, противные они, - говорит, - и воняют". Гогочет и нос зажимает. Вот, какой у меня парень. Я немного отвлекся...

Гробовщик с удовольствием замял в пальцах землистый шарик гашиша, смешал его с остатками табака, скрутил косяк и с удовольствием затянулся. Он был большой, красивый, с мягкими руками и со свободным, пристальным ни к чему не обязывающим взглядом. Идеального вида подрезанный нордический нос украшал его бледное лицо со слегка выдававшимся подбородком, квадрат которого приходился на копытце. Про глаза я уже говорила. Словом, спокойное мужское лицо. Меня подкупало то улыбочное смущение, с которым он говорил о трупах, его деликатная боязнь не повредить чужие установки, и потому, прежде чем выдать свою истинную профессию, он долго говорил со мной об искусстве, стараясь прощупать мою лояльность. Потом я сама легко как обычно скатилась на разговоры о смерти и только после этого он сказал мне, что соврал. И что никакой он не скульптор.

Его родители из глухой альгойской землянки были поистине религиозными людьми. До сих пор не разочаровавшись в гитлеровском фашизме, они спрятали его куда-то глубоко и туго, под грудь, куда теперь уже по прошествии лет никто из новоскроенных демократов и не мог заглянуть. Спрятавшись под сенью деревенского прихода, они избежали вопросов о прошлом. Сына отдали подрабатывать при церкви, как только он чуть раздался в плечах. Были довольны им и горды, что поучаствовали во всеобщем круге рождений и смерти не только бессознательным и беспомощным телом, но и практически. Вот и все, что я знала о нем.

- Из могил, действительно, неприятно пахнет, даже из очень старых. В нашем грунте стареют они не скоро. Слой дерна защищает от летней жары. Все же, копать в зимние месяцы тоже прихордится. Тогда тяжело. Земля - как битое стекло. Вся тужится под тяжестью мороза, не дается. От усилия щеки отваливаются. Идешь с заступом на участок. Берешь с собой модернизированную лопату - эдакие клещи, чтобы перекусывать мягкие, застрявшие в корнях кости.

И вот послал меня наш новый директор к этому старому склепу, в котором прошлым летом похоронили последнюю представительницу семейства, как нам тогда говорили. Но тут при новом директоре появляются новые родственники, тоже заботящиеся об упокое их тел, показывают бумаги на покупку склепа и директор приказывает мне очистить места для новых владельцев, то есть выкинуть стариков. Сунул архитектурный план склепа, номер могильной плиты. А я как обычно отправляюсь туда, думая о других вещах. Думал я о том, как еще в детстве покупал воздушную кукурузу в лавке у тех, чьи камни придется сейчас вскрывать. Я представил себе весну, субботний вечер, томление детей в ожидании крестного хода на Пасху. Эту женщину в белом - это стояло у меня в памяти, доставшейся из детства. Платье белое в черный горох. Точно помню тогда: стоит толпа, мужчины, женщины, радостные такие. Пахнет от них человечеством и во мне мальчик просыпается. А ближе всех стоит эта женщина в горох и ткань прямо чуть не лопается на ней. Губы красные, зубы веселые, кусучие! Улыбается нашему священнику. Когда я входил в склеп, мне даже представилось, что их хоронили ее в этом белом в черный горох платье. Но мне никогда не приходилось удостовериться в моей сентиментальной убежденности, что мертвецов хоронят в одеждах, в которых они когда-то были молодыми.

Плита с этой славной женщиной остается справа, а я по плану должен вынуть ее дедушку и свезти несчастного к "Моцарту". Я сбил мороженный цемент с краев плиты, отвалил ее, вынес из склепа и стал совать в темноту мою модернизированную лопату. Хруста обычного не было. Все же, что-то вскрылось, с трудом перекусилось и на меня вылилась волна почти банного тепла посреди зимы. А вонючка - сильнее обычного, будто тут слона схоронили... В лопате у меня была половина тела в черном ситце в белый горох - как раз негатив того, о чем я теперь думал. Ну и отвратительное же было зрелище. Меня чуть не стошнило. А ведь красивая была баба, как помню. Бегу к директору. Сую ему рукавицей план - вы перепутали могилы. Директор вскакивает: Да я? Ни за что! Не может быть. План не я делал... Словом, когда оказался директор со мной у склепа и увидел эту штуку в горох, с ним случился инфаркт - ведь он прежде галстуки продавал и трупы видел только свежие и загримированные. Вот так я и стоял оцепенело с двумя трупами без поддержки руководства и моральной. И не было сил его спасти - все тело и так смерзлось. Он умер, а я тогда потерял работу, - вздохнул могильщик.

Я смеялась в нос, стараясь в замшевой полутьме комнаты, освещенной лишь модной масляной лампой, не выдать своего ликующего веселья о том, что история меня не столько безразлично потрясла, но взбодрила. Захотелось поскорее оказаться в нежных огромных лапах этого грустного рассудительного человека. Он схватил меня за плечи, повалил набок, и наивно и громко как дикое животное олень засмеялся от счастья.

Т.В.

Настоящие американские девушки с резиновыми попками с утра до вечера снимаются в кино и ужираются кетчупом. Эти безгинетальные девушки спят на белье цвета американского флага и совершают ежедневный самый длинный в мире джокинг от которого ноги растут как бам-